СОЗНАНІЕ

И

ЕГО ГРАНИЦЫ.

В. М. Бехтерева.

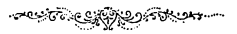
КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Универ.
Черноозерская ул., собственный д.
1888.

СОЗНАНІЕ

И

ЕГО ГРАНИЦЫ.

В. М. Бехтерева.



КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Унив.
Черноозерская ул., собствен. домъ.
1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета 8 октября 1888 г.

Ректоръ Университета *Н. Кремлевъ.*

СОЗНАНІЕ И ЕГО ГРАНИЦЫ.

РѢЧЬ,

произнесенная въ день годичнаго акта ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета ординарнымъ профессоромъ

В. М. БЕХТЕРЕВЫМЪ.

СОЗНАНІЕ и ЕГО ГРАНИЦЫ.

Мм. Гг.

Мы привыкли говорить о сознаніи, какъ о явленіи, для насъ хорошо извѣстномъ на основаніи личнаго внутренняго опыта; тѣмъ не менѣе точное опредѣленіе того, что слѣдуетъ понимать подъ сознаніемъ, до послѣдняго времени встрѣчало не мало затрудненій.

По Лейбницу (1) сознаніе является при условіи, когда безсознательныя представленія души воспринимаются нашимъ я. Это однако не опредѣленіе, а лишь описаніе явленія, притомъ описаніе, изложенное сообразно метафизическимъ воззрѣніямъ автора. Другіе изъ психологовъ опредѣляли сознаніе, какъ особое внутреннее чувство (2), или же подъ сознаніемъ понимали присущую намъ способность различенія (3). Наконецъ нѣкоторые, какъ Гербартъ, разсматривали сознаніе, какъ сумму всѣхъ имѣющихся на лицо представленій (4).

Первое изъ только что упомянутыхъ опредѣленій не можетъ однако считаться достаточно обоснованнымъ, второе принимаетъ слѣдствіе за причину, а опредѣленіе Гербарта обнимаетъ собою лишь содержаніе сознанія, не касаясь вопроса о самомъ сознаніи, какъ явленіи нашей психической жизни.

---

(1) Leibnitz. Op. philos. ed. Erdman стр. 715.

(2) Fichte. Psychologie I, стр. 83. Fortlage. System der Psychologie.

(3) Georg. Lehrbuch der Psychologie, стр. 234 и слѣд. Ulrici. Leib und Seele. Leipzig. 1866.

(4) Herbart's sämtliche Werke. Bd. V, стр. 208.

Изъ новѣйшихъ представителей психологіи по нашему вопросу заслуживаютъ вниманія взгляды двухъ выдающихся авторитетовъ—Спенсера и Вундта.

Первый въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“ разсматриваетъ сознаніе, какъ извѣстную внутреннюю перемѣну. По этому поводу онъ выражается между прочимъ слѣдующимъ образомъ: „Всѣ согласно принимаютъ, что безъ перемѣны сознаніе невозможно: когда перемѣна въ сознаніи прекращается — прекращается и сознаніе. Но если непрерывная перемѣна есть то условіе, при которомъ одномъ только возможно продолженіе сознанія, то отсюда слѣдовало бы вывести, что всѣ разнообразныя явленія сознанія должны сводиться на перемѣны“. Въ другомъ мѣстѣ Спенсеръ поясняетъ: „Непрерывная перемѣна не есть еще единственная вещь, требующаяся для составленія сознанія. Если перемѣны происходятъ безъ всякаго порядка, то никакое собственно такъ наз. сознаніе не существуетъ. Сознаніе есть не просто послѣдовательность перемѣнъ, но правильная послѣдовательность перемѣнъ,— послѣдовательность перемѣнъ комбинированныхъ и расположенныхъ особеннымъ образомъ. Перемѣны образуютъ сырой матеріалъ сознанія, а развитіе сознанія есть организація ихъ“ (1).

Въ этомъ опредѣленіи, какъ и въ опредѣленіи сознанія, какъ способности различенія, снова принято слѣдствіе за причину. Какъ наша способность различенія является слѣдствіемъ нашего сознанія, такъ и воспріятіе перемѣнъ является результатомъ сознанія, а не причиной его.

Вундтъ (2) по поводу сознанія говоритъ слѣдующее: „Такъ какъ сознаніе есть необходимое условіе всякаго внутренняго опыта, то понятно, что непосредственно изъ этого опыта мы не можемъ узнать сущности сознанія. Всѣ попытки опредѣлить сознаніе по явленіямъ внутренняго опыта приводятъ или къ тавтологіи или къ опредѣленіямъ происходящихъ въ сознаніи дѣятельностей, которыя уже потому суть не сознаніе, что предполагаютъ его. Сознаніе именно въ томъ и состоитъ, что мы находимъ въ себѣ тѣ или другія состоянія; незави-

(1) Спенсеръ. Основанія психологіи Спб. т. 3, стр. 303 и 304.
(2) Вундтъ. Основанія физіологической психологіи стр. 738.

симо отъ послѣднихъ оно не можетъ быть мыслимо. Безсознательные процессы всегда представляются нами по тѣмъ свойствамъ, которыми они должны были бы отличаться въ сознаніи. Если невозможно выразить отличительныхъ признаковъ сознательныхъ и безсознательныхъ состояній, то тѣмъ менѣе можно дать опредѣленіе сознанія. Намъ остается только изучать условія сознанія, т. е. тѣ обстоятельства, которыми сопровождаются всѣ сознательныя явленія".

Изъ только что приведенной выдержки очевидно, съ какими затрудненіями сталкиваются при опредѣленіи понятія о сознаніи. Мы не можемъ однако согласиться въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ великаго представителя физіологической психологіи. Конечно, изъ внутренняго опыта нельзя опредѣлить сущности сознанія; но дѣло не въ опредѣленіи его сущности, а въ опредѣленіи понятія о сознаніи, какъ объ извѣстномъ явленіи.

Хотя независимо отъ тѣхъ или другихъ психическихъ состояній немыслимо для насъ сознаніе, тѣмъ не менѣе психическіе процессы, какъ извѣстно, ни чуть не обязательно связаны съ сознаніемъ. Съ другой стороны, хотя безсознательные процессы и представляются намъ по тѣмъ свойствамъ, которыми они должны были-бы отличаться въ сознаніи, но за то мы съ точностью знаемъ по внутреннему опыту, что кромѣ сознательныхъ процессовъ, воспринимаемыхъ нашимъ Я, какъ нѣчто субъективное, въ насъ существуютъ и безсознательные процессы, которые нами вовсе не воспринимаются, какъ таковые. Это устанавливаемое внутреннимъ опытомъ отличіе сознательныхъ психическихъ процессовъ отъ безсознательныхъ и даетъ намъ возможность сдѣлать точное опредѣленіе сознанія.

Подъ сознаніемъ мы понимаемъ ту субъективную окраску или то субъективное т. е. внутреннее, непосредственно нами воспринимаемое, состояніе, которою или которымъ сопровождаются многіе изъ нашихъ психическихъ процессовъ. Благодаря этой субъективной окраскѣ мы можемъ различать наши психическіе процессы по ихъ сложности и тѣмъ или другимъ присущимъ имъ особенностямъ. Такимъ образомъ мы различаемъ въ нашемъ воспріятіи—ощущеніе, представленіе, стремленіе, желаніе, хотѣніе и пр., т. е. тѣ явленія, сумма которыхъ и составляетъ содержаніе нашего сознанія.

Сдѣланное нами опредѣленіе конечно не выражаетъ собою сущности сознанія, что впрочемъ и не требуется, но оно точно указываетъ на то явленіе въ природѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Во всякомъ случаѣ главное, что мы должны отличать въ нашей психической жизни — это сознательные и безсознательные процессы. Въ первыхъ есть нѣкоторый плюсъ, благодаря которому они становятся явленіями субъективными, чего нѣтъ во вторыхъ (¹).

Яркость той субъективной окраски, которою сопровождаются наши психическіе процессы, бываетъ различною, благодаря чему мы можемъ говорить о различной степени ихъ сознательности. Нѣкоторыя лица, обладающія пылкимъ воображеніемъ, какъ поэты и художники, отличаются особой живостью представленій, необыкновенной яркостью ихъ. Такъ, про Гёте извѣстно, что когда онъ хотѣлъ представить себѣ напр. цвѣтокъ, то этотъ цвѣтокъ являлся его воображенію необыкновенно живо со всѣми присущими ему красками и очертаніями лепестковъ; когда ему нужно было нарисовать готическую церковь, то эта церковь представлялась его уму также въ живой пластической формѣ. Съ другой стороны извѣстно, что нѣкоторые изъ художниковъ, какъ напр. Мартенсъ, отличались такой живостью воображенія, что при своей работѣ они буквально копировали на полотнѣ представлявшіеся имъ субъективные образы. Подобные же, хотя быть можетъ и не столь рѣзкіе примѣры пылкаго воображенія, конечно, встрѣчаются не только между художниками и поэтами, но и среди обыкновенныхъ людей.

Очевидно, что если, какъ въ указанныхъ примѣрахъ, воспроизведенныя представленія, иначе говоря, воспоминательные образы, могутъ быть сравниваемы по яркости съ ощущеніями или чувственными образами, то одинаковымъ образомъ и эти послѣдніе у тѣхъ же лицъ должны отличаться значительно большей яркостью, нежели у другихъ. Такого рода лица справедливо называются впечатлительными натурами, такъ какъ всякое внѣшнее впечатлѣніе дѣйствуетъ на нихъ рѣзче, сильнѣе обыкновеннаго.

(¹) Кстати укажемъ здѣсь, что и Вундтъ, не замѣчая того, самъ даетъ подобное же опредѣленіе сознанія, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ: «сознаніе именно въ томъ и состоитъ, что мы находимъ въ себѣ тѣ или другія состоянія»... (цит. выше).

Съ другой стороны есть и антиподы этихъ лицъ, отличающіеся поразительной тупостью воспріятія и процессовъ представленія.

Въ патологическихъ случаяхъ, въ особенности при душевныхъ болѣзняхъ, степень сознательности психическихъ процессовъ конечно измѣняется еще въ болѣе значительныхъ предѣлахъ, нежели у здоровыхъ лицъ. Необыкновенно яркія представленія маніака, напр., не могутъ быть и сравниваемы съ крайне блѣдными образами, смутно пробѣгающими въ сознаніи слабоумнаго.

Степень сознательности психическихъ процессовъ, впрочемъ, бываетъ различною и у каждаго человѣка въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій. Такъ, у большинства людей яркость представленій значительно поднимается къ вечеру; поэтому-то вечернее время и является обычнымъ временемъ мечты. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что многіе изъ поэтовъ для своихъ занятій предпочитали вечернее или даже ночное время. Физическое утомленіе, а равно и процессы пищеваренія напротивъ того понижаютъ въ болѣе или менѣе значительной степени яркость нашихъ психическихъ образовъ.

Независимо отъ степени сознательности психическихъ процессовъ въ вышеизложенномъ смыслѣ различаютъ еще степень сознанія, смотря по его содержанію, т. е. смотря по присутствію въ сознательной сферѣ тѣхъ или другихъ представленій. Правильнѣе однако въ этихъ случаяхъ говорить о спеціальныхъ видахъ сознанія по сложности его содержанія, а не о степени самаго сознанія, хотя и послѣдняя при этомъ не остается неизмѣнной.

Простѣйшей формой сознанія безъ всякаго сомнѣнія слѣдуетъ признавать то состояніе, когда еще не выработано ни одного болѣе или менѣе яснаго представленія, когда лишь существуетъ неясное безотносительное чувствованіе собственнаго существованія.

Болѣе сложнымъ является сознаніе въ томъ случаѣ, когда въ немъ присутствуютъ уже тѣ или другія представленія. Въ этомъ случаѣ наиболѣе элементарной формой сознанія слѣдуетъ признавать ту, при которой въ сознаніи присутствуетъ главнымъ образомъ одна группа представленій о Я, какъ субъектѣ въ отличіе отъ не—Я или объекта и изъ которой вырабатывается такъ наз. самосознаніе, иначе говоря то

состояніе сознанія, когда въ немъ присутствуетъ или,—что все равно,—каждую минуту можетъ быть вызванъ рядъ представленій о положеніи собственнаго тѣла, о движеніи его членовъ и пр.

Слѣдующей по сложности формой сознанія является сознаніе пространства т. е. то состояніе сознательной сферы, когда человѣкъ можетъ уже создавать пространственныя представленія объ окружающемъ его мірѣ. На основаніи этихъ то пространственныхъ представленій онъ и получаетъ возможность ориентироваться относительно окружающей обстановки.

Нѣсколько болѣе сложной является та форма сознанія, когда человѣкъ улавливаетъ уже послѣдовательность внѣшнихъ явленій, благодаря чему вырабатывается сознаніе времени.

Дальнѣйшую по сложности степень сознанія представляетъ сознаніе своей личности, иначе говоря, то состояніе сознанія, когда въ его сферу могутъ быть введены тѣ ряды представленій, которые составляютъ, такъ сказать, интимное ядро личности, какъ то: представленія нравственныя, религіозныя, правовыя и пр. Съ этой формой сознанія связаны также и первыя проявленія воли субъекта.

Наконецъ высшею степенью сознанія должно быть признано безъ сомнѣнія то состояніе внутренняго міра, когда человѣкъ съ одной стороны обладаетъ способностью по произволу вводить въ сферу сознанія тѣ или другія изъ бывшихъ прежде въ его сознаніи представленій, съ другой — можетъ давать отчетъ о происходящихъ въ его сознаніи явленіяхъ, о смѣнѣ однихъ представленій другими, иначе говоря, можетъ анализировать происходящіе въ немъ самомъ психическіе процессы.

Эта способность самопознаванія является всегда характеристичнѣйшимъ признакомъ полнаго сознанія; утрата же этой способности служитъ первымъ признакомъ начинающагося помраченія сознанія.

Всѣ вышеуказанныя формы сознанія представляютъ собою собственно различныя степени развитія его содержанія. Въ самомъ дѣлѣ легко видѣть, что каждая изъ формъ сознанія кромѣ существованія особой группы представленій предполагаетъ и присутствіе представленій, характеризующихъ всѣ предшествующія формы сознанія. Но лучшимъ доказатель-

ствомъ послѣдовательности развитія сознанія въ указанномъ направленіи является прямое наблюденіе надъ возстановленіемъ сознанія въ то время, когда человѣкъ пробуждается изъ глубокаго сна или обморока.

Первымъ явленіемъ въ періодѣ пробужденія въ этомъ случаѣ всегда является неясное чувствованіе собственнаго существованія. Въ этомъ состояніи субъективно чувствуемыя измѣненія въ насъ самихъ не относятся нами къ какой либо внѣшней причинѣ, а воспринимаются лишь какъ внутреннія перемѣны, происходящія въ насъ самихъ безъ всякаго ихъ отношенія къ окружающему міру (*). Лишь мало по малу сознаніе пробуждается и субъектъ начинаетъ сознавать себя человѣкомъ покоющимся въ извѣстномъ положеніи. Въ дальнѣйшей фазѣ пробужденія сознается уже болѣе или менѣе правильно и окружающая обстановка, а нѣсколько позднѣе и послѣдовательность событій, т. е. время. Затѣмъ человѣкъ уже вступаетъ въ обладаніе всѣми тѣми представленіями, которыя его характеризуютъ какъ извѣстную личность, но и при этомъ еще не можетъ быть рѣчи о полномъ сознаніи до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не будетъ въ состояніи дать ясный отчетъ о всемъ происходящемъ въ немъ.

Развитіе сознанія въ первоначальную эпоху жизни каждаго человѣка безъ всякаго сомнѣнія происходитъ тѣмъ же путемъ и въ той же самой послѣдовательности. Между тѣмъ въ патологическихъ случаяхъ, сопровождающихся прогрессирующимъ ослабленіемъ умственной сферы, какъ при вторичномъ слабоуміи и прогрессивномъ параличѣ помѣшанныхъ, сознаніе постепенно претерпѣваетъ обратный метаморфозъ.

Въ послѣднемъ случаѣ первоначально утрачивается способность самопознаванія, затѣмъ разстраиваются тѣ ряды представленій, совокупность которыхъ служитъ характеристикой нравственной личности даннаго лица: съ теченіемъ же времени у такого рода больныхъ утрачивается уже и сознаніе времени, а затѣмъ и сознаніе мѣста, тогда какъ самосознаніе и сознаніе о Я, какъ субъектѣ, остаются большею частью непарушенными даже

(*) Примѣры подобнаго состоянія сознанія мы встрѣчаемъ также въ случаяхъ неполнаго усыпленія хлороформомъ. Извѣстно, что лица, подвергшіяся операціи, нерѣдко заявляютъ объ испытанномъ ими чувствѣ страданія безъ яснаго сознанія причинѣ этого страданія.

и при значительной степени слабоумія. Но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайняго упадка умственныхъ способностей утрачиваются и эти элементарныя и въ тоже время болѣе стойкія формы сознанія, причемъ отъ всего умственнаго богатства человѣку остается лишь одно неясное чувствованіе собственнаго существованія.

Здѣсь не лишне замѣтить, что въ просторѣчіи понятіе о безсознательности или неполномъ сознаніи смѣшивается съ болѣзненно извращеннымъ сознаніемъ. Такъ, про душевно-больнаго, содержаніе сознанія котораго болѣзненно извращено, т. е. наполнено вмѣсто здоровыхъ идей нелѣпыми представленіями, обычно говорятъ, что онъ находится въ безсознательномъ или полусознательномъ состояніи. Правильнѣе однако въ этомъ случаѣ не говорить вовсе о безсознательности или неполной степени сознанія, а лишь о болѣзненномъ его содержаніи, иначе говоря, о томъ или другомъ болѣзненномъ извращеніи сознанія.

Познакомившись съ тѣмъ, что слѣдуетъ понимать подъ сознаніемъ и какія степени послѣдняго могутъ быть различимы, мы теперь же замѣтимъ, что далеко не всѣ изъ воспринимаемыхъ нами извнѣ впечатлѣній сознательны. Напротивъ того огромная часть внѣшнихъ впечатлѣній остается за порогомъ сознанія и только относительно весьма малая ихъ часть достигаетъ сознательной сферы. Въ свою очередь изъ впечатлѣній, достигшихъ сознательной сферы, часть остается въ темномъ полѣ сознанія и только остальная, относительно незначительная часть выступаетъ въ нашемъ сознаніи съ бо́льшей яркостью.

Чтобы лучше представить въ какой степени ограниченное количество изъ всего числа внѣшнихъ впечатлѣній достигаетъ сферы нашего сознанія, я остановлю ваше вниманіе на одномъ обыденномъ и въ тоже время крайне поучительномъ примѣрѣ.

Представьте себѣ, что вы идете съ своимъ другомъ по одной изъ многолюдныхъ улицъ и ведете съ нимъ ту или другую бесѣду. За время вашего путешествія вы получаете со всѣхъ сторонъ самыя разнообразныя впечатлѣнія—видите множество движущихся лицъ въ разнообразныхъ костюмахъ, видите зданія и монументы со всевозможными украшеніями, слышите разговоръ проходящихъ людей, стукъ колесъ проѣзжающихъ экипажей, слышите шелестъ платья, ощущаете

на себѣ движеніе окружающаго воздуха и пр. и пр. Несомнѣнно, что всѣ эти впечатлѣнія дѣйствуютъ на наши органы чувствъ и вызываютъ извѣстную реакцію въ вашемъ мозгу; но не смотря на то, окончивъ бесѣду съ своимъ другомъ, вы едвали въ состояніи припомнить одну сотую или—вѣрнѣе—тысячную часть изъ всего вами видѣннаго и слышаннаго. При этомъ изъ числа припоминаемыхъ впечатлѣній лишь тѣ, на которыя вы обратили особенное вниманіе, воспроизводятся вами легко и съ особенною ясностью; для оживленія же другихъ въ вашей памяти нерѣдко требуется та или другая посторонняя помощь и не смотря на то они не могутъ быть воспроизведены въ сознаніи съ должною ясностью.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ, полученныхъ за время путешествія, впечатлѣній огромное большинство осталось ниже порога сознанія, слѣд. скрылось въ безсознательной сферѣ, изъ остающагося же меньшинства смутно припоминаемыя впечатлѣнія едва лишь достигли сферы сознанія и потому остаются въ темномъ его полѣ, и только впечатлѣнія, припоминаемыя съ особенной живостью, суть впечатлѣнія, достигшія сферы яснаго сознанія.

Такъ какъ процессъ, благодаря которому внѣшнія впечатлѣнія достигаютъ сферы сознанія, въ наукѣ называется перцепціей, а процессъ, благодаря которому то или другое впечатлѣніе входитъ въ сферу яснаго сознанія, носитъ названіе аперцепціи, то и тѣ впечатлѣнія, которыя едва лишь достигли сферы сознанія и остаются въ темномъ полѣ послѣдняго, могутъ быть названы перцепированными, впечатлѣнія же, достигшія сферы яснаго сознанія,—аперцепированными.

Спрашивается, какія условія были причиной того, что изъ всѣхъ впечатлѣній, полученныхъ за время путешествія, огромная масса не достигла сферы сознанія? Условія эти заключались въ томъ, что въ данное время вы были отвлечены разговоромъ съ своимъ другомъ, слѣд. сознаніе ваше было занято извѣстнымъ рядомъ представленій. Въ самомъ дѣлѣ не будь этого условія и безъ сомнѣнія очень многое изъ того, что не вошло въ сферу сознанія, съ яркостью запечатлѣлось бы въ вашей памяти.

Но отчего же тотъ періодъ времени, когда умъ занятъ извѣстнымъ рядомъ представленій, является столь неблагопріятнымъ для возникновенія новыхъ представленій подъ влія-

ніемъ тѣхъ или другихъ впечатлѣній? Отвѣтъ на этотъ второй вопросъ можетъ быть только одинъ и именно слѣдующій: въ сознаніи не можетъ одновременно вмѣщаться больше опредѣленнаго числа представленій. Слѣд., наше сознаніе имѣетъ свой объемъ, иначе говоря, свои опредѣленныя границы.

Какъ великъ этотъ объемъ или какъ широки границы сознанія, т. е. какое количество представленій можетъ одновременно присутствовать въ нашемъ сознаніи, составляетъ не только крайне интересную задачу для изслѣдованія, но и задачу первостепенной важности. Не удивительно поэтому, что уже довольно давно этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь въ психологіи, но до развитія такъ наз. психо-физики или экспериментальной психологіи всѣ попытки подойти къ рѣшенію его оставались безплодными.

Еще не такъ давно Вайтцъ ([1]) изъ чисто теоретическихъ соображеній, а Штейнталь ([2]), основываясь на данныхъ внутренняго воспріятія, допускали, что въ сознаніи одновременно можетъ присутствовать лишь одно представленіе. Между тѣмъ Фортляге ([3]) и Гербартъ ([4]) приходили къ заключенію, что число одновременно присутствующихъ въ сознаніи представленій должно быть не менѣе 2, при случаѣ же оно можетъ возрасти до очень большаго, точно неопредѣлимаго числа.

Даже и по сіе время нѣкоторые изъ психологовъ придерживаются одного изъ вышеуказанныхъ взглядовъ. Такъ, въ книгѣ проф. Владиславлева, изданной въ 1881 году ([5]), мы находимъ слѣдующее мѣсто: „Относительно сознательной жизни мы знаемъ, что въ одно и тоже время душа не можетъ имѣть нѣсколькихъ сознательныхъ состояній; если намъ кажется противное, то въ этомъ случаѣ мы быструю послѣдовательность ихъ принимаемъ за одно“.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что самонаблюденіе совершенно непригодно для правильнаго рѣшенія разсматриваемаго вопроса. Послѣднее представляется очевиднымъ уже

([1]) Waitz. Lehrbuch der Psychologie.

([2]) Steinthal. Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin. 1871, стр. 134.

([3]) Fortlage. System der Psychologie. I Theil.

([4]) Herbart. Lehrbuch zur psychologie (Werke, т. 5 стр. 15 и слѣд).

([5]) Владиславлевъ. Психологія, т. I, стр. 294.

изъ того, что самонаблюденіе имѣетъ предъ собою лишь апперцепированныя представленія, т. е. представленія, находящіяся въ сферѣ яснаго сознанія; представленія же, находящіяся въ общемъ полѣ сознанія или неперцепированныя, замѣчаются нами лишь послѣ того, какъ они будутъ апперцепированы. Но легко понять, что эти послѣднія въ такомъ случаѣ могутъ быть смѣшиваемы нами съ предыдущими, вслѣдствіе чего и опредѣленіе объема сознанія путемъ самонаблюденія не можетъ быть сдѣлано правильнымъ.

Такимъ образомъ очевидно, что было-бы совершенно безплодно еще разъ обращаться въ этомъ вопросѣ къ методу самонаблюденія. Только экспериментальнымъ путемъ можно достичь возможно точнаго и обстоятельнаго рѣшенія вопроса.

Въ этомъ отношеніи Гамильтонъ ([1]) можетъ считаться первымъ авторомъ, примѣнившимъ опытъ, хотя и грубый, для рѣшенія вышеупомянутаго вопроса. Онъ нашелъ, что число одновременно воспринимаемыхъ впечатлѣній въ области зрѣнія достигаетъ отъ 6 до 7.

Вундтъ однако придаетъ очень мало цѣны только что упомянутому изслѣдованію. Это видно по крайней мѣрѣ изъ его заявленія, что „наблюденія относительно одновременныхъ моментальныхъ впечатлѣній не могутъ привести здѣсь ни къ какому результату по неопредѣленности границъ внутренняго поля зрѣнія“ ([2]).

Напротивъ того наблюденіе послѣдовательныхъ впечатлѣній, по мнѣнію Вундта, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ привести къ рѣшенію вопроса. Такъ, если мы апперцепируемъ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ внѣшнихъ впечатлѣній, то очевидно, что вмѣстѣ съ каждымъ новымъ актомъ апперцепціи прежнія впечатлѣнія изъ сферы яснаго сознанія мало по малу передвигаются въ общее болѣе темное поле сознанія, пока не исчезнутъ изъ сознанія совершенно. Поэтому для опредѣленія объема сознанія въ этомъ случаѣ необходимо лишь выяснить, которое изъ ряда представленій находится на границѣ сознанія въ тотъ моментъ, когда апперцепируется новое представленіе.

Для этой цѣли пользуются ударами маятника метронома, возбуждающими въ насъ, равномѣрно смѣняющія другъ друга, простыя звуковыя представленія. При этомъ имѣется въ виду

([1]) Hamilton, Lectures on metaphysics, vol. I.

([2]) Вундтъ. Основанія физіологич. психологіи., стр. 757.

опредѣлить то наибольшее число изъ ряда равномѣрно слѣдующихъ другъ за другомъ звуковыхъ представленій, которое помѣщается въ сферѣ яснаго сознанія. Убѣдиться же въ томъ, что данное число послѣдовательныхъ звуковыхъ представленій помѣщается въ сферѣ яснаго сознанія, мы можемъ съ помощью сравненія съ такимъ же или нѣсколько большимъ или меньшимъ числомъ новыхъ звуковыхъ представленій.

При этомъ возможность болѣе или менѣе точнаго сравненія двухъ наибольшихъ рядовъ однородныхъ звуковыхъ впечатлѣній доказываетъ, что соотвѣтствующее имъ число представленій и составляетъ собою объемъ сознанія, иначе говоря, выражаетъ то наибольшее число представленій, которое можетъ одновременно помѣщаться въ сферѣ яснаго сознанія.

Обстановка опытовъ заключается въ томъ, что заставляютъ колебаться маятникъ метронома съ извѣстною скоростью, при чемъ экспериментаторъ отдѣляетъ звонкомъ одинъ рядъ ударовъ маятника отъ другаго, который берется или одинаковымъ съ первымъ, или больше, или меньше его на 1 ударъ; изслѣдуемый же, устранивъ совершенно умственный счетъ ударовъ, долженъ сравнить одинъ рядъ слышимыхъ имъ ударовъ съ другимъ, т. е. рѣшить, былъ ли одинъ рядъ равенъ другому, или же былъ больше, или меньше его.

Если сравненіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ произведено правильно, значитъ данное число ударовъ не превышаетъ объема сознанія и воспринимается сознаніемъ, какъ одно цѣлое. Такимъ образомъ мало по малу находятъ то наибольшее число ударовъ, за которымъ уже не можетъ быть точнаго сравненія. Это число такимъ образомъ и будетъ выражать собою объемъ сознанія для послѣдовательнаго ряда звуковыхъ представленій.

При производствѣ опытовъ необходимо замѣтить, что изъ двухъ рядовъ звуковыхъ впечатлѣній, первый рядъ для опредѣленнаго числа опытовъ остается всегда одинаковымъ, второй же рядъ, слѣдующій за звонкомъ, какъ упомянуто выше, берется по желанію экспериментатора или одинаковымъ съ первымъ, или больше, или меньше его на 1 ударъ. Съ помощью перваго ряда звуковыхъ ударовъ экспериментирующій желаетъ убѣдиться, дѣйствительно ли соотвѣтствующее ему число представленій можетъ содержаться, какъ цѣлая группа, въ сферѣ сознанія наблюдателя; второй же рядъ звуковыхъ ударовъ берется лишь для сравненія съ первымъ. При этомъ въ опытахъ всегда начинаютъ съ относительно небольшихъ чиселъ и затѣмъ постепенно переходятъ къ опытамъ съ большимъ числомъ ударовъ

метронома, опредѣляя тотъ максимальный предѣлъ, при которомъ еще возможно сравненіе двухъ рядовъ звуковыхъ впечатлѣній.

Чтобы убѣдиться, что человѣкъ въ состояніи сравнивать два ряда звуковыхъ впечатлѣній, т. е. можетъ воспринимать ихъ равенство или разницу, недостаточно конечно одного или двухъ—трехъ опытовъ. Необходимо произвести большее ихъ количество, причемъ точность сравненія въ цѣломъ рядѣ опытовъ будетъ выражена отношеніемъ числа вѣрныхъ сужденій къ общему числу послѣднихъ. Въ виду этого за наименьшее число опытовъ, годное для того или другаго вывода, принято считать 10, а точность сравненія выражать десятичною дробью, обозначающею относительное число вѣрныхъ сужденій.

Такъ какъ при производствѣ вышеуказанныхъ опытовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть выборъ между тремя формами сужденія, а именно—сравниваемое число можетъ быть равно первому или больше, или меньше его, то по общимъ правиламъ психофизики необходимо допустить, что граница сознанія достигается впервые въ то время, когда получается болѣе трети вѣрныхъ сужденій изъ всего числа данныхъ случаевъ или при точности сравненія, превышающей 0,33... Въ самомъ дѣлѣ одна треть правильныхъ сужденій въ вышеуказанныхъ опытахъ можетъ получиться безъ всякаго вниманія къ опытамъ, когда сужденія будутъ говориться прямо на угадъ. Лишь превышеніе числа вѣрныхъ сужденій одной трети общаго ихъ числа опредѣлитъ впервые границу сознанія (1).

Конечно, чѣмъ болѣе относительное число вѣрныхъ сужденій, тѣмъ отчетливѣе данное число звуковыхъ ударовъ запечатлѣвается въ сознаніи и слѣд. тѣмъ яснѣе сознаніе.

Наивысшая степень ясности сознанія разумѣется будетъ представлена тѣми случаями, при которыхъ всѣ сужденія вѣрны. Но такіе случаи бываютъ далеко не часты, да и въ обыденной жизни наивысшая степень ясности сознанія, повидимому далеко не составляетъ постоянной принадлежности нашего Я. Поэтому за достаточную точность сужденій для выраженія сферы яснаго сознанія въ вышеуказанныхъ опы-

(1) Нѣкоторые авторы допускаютъ, что граница сознанія достигается впервые въ томъ случаѣ, когда число вѣрныхъ сужденій превышаетъ половину всего числа данныхъ случаевъ. Но это очевидно ошибка, такъ какъ при производствѣ опытовъ съ объемомъ сознанія всегда имѣется въ виду одно изъ трехъ (а не двухъ) возможныхъ сужденій.

тахъ, по моему мнѣнію, правильнѣе всего признать цифру 0,7, стоящую почти на срединѣ между 0,33..., обозначающей границу сознанія вообще, и 1,0, выражающей наибольшую ясность сознанія (¹).

Такимъ образомъ число представленій, которое мы въ состояніи сравнивать съ одинаковымъ или на 1 большимъ, или меньшимъ числомъ подобныхъ же представленій съ точностью не менѣе 0,7 служитъ въ тоже время и выраженіемъ количества представленій, помѣщающихся въ сферѣ яснаго сознанія. То же число представленій, которое мы въ состояніи сравнивать съ другимъ числомъ подобныхъ же представленій или равнымъ первому, или большимъ, или меньшимъ его на 1 съ точностью не менѣе 0,33..., можетъ быть принято за полный объемъ сознанія, вмѣщающій въ себѣ не только сферу яснаго сознанія, но и темное поле послѣдняго, иначе говоря, объемъ сознанія, выражающій количество всѣхъ какъ апперципированныхъ, такъ и перципированныхъ представленій.

Для опредѣленія объема яснаго сознанія, который насъ только и будетъ интересовать въ послѣдующемъ изложеніи, какъ я убѣдился, можетъ быть примѣненъ еще и другой способъ. Извѣстно, что равномѣрно слѣдующія другъ за другомъ звуковыя впечатлѣнія мы можемъ умственно расчленять на группы различной величины, руководясь тѣмъ или другимъ музыкальнымъ тактомъ; такимъ образомъ равномѣрно слѣдующія другъ за другомъ звуковыя впечатлѣнія могутъ быть расчленяемы нами на группы по 2, по 3, по 4, по 5, по 6, по 7, по 8 и болѣе звуковыхъ впечатлѣній.

Очевидно, что при подобномъ группированіи звуковыхъ впечатлѣній каждая группа воспринимается сознаніемъ, какъ одно цѣлое. Поэтому наибольшая величина отдѣльныхъ группъ, воспринимаемыхъ сознаніемъ, какъ цѣлое, и будетъ выражать собою объемъ сознанія, такъ какъ, еслибы величина группы превышала объемъ сознанія, она не могла бы быть и воспринята сознаніемъ, какъ одно цѣлое.

(¹) Въ опытахъ Дице за достаточный результатъ сравненія принимается тотъ случай, если изъ десяти опытовъ съ извѣстнымъ рядомъ звуковыхъ впечатлѣній получалось не менѣе восьми вѣрныхъ сужденій; слѣд. точность въ 10 опытахъ, принятыхъ за единицу, выражалась не менѣе 0,8. Необходимо замѣтить однако, что эта цифра была принята авторомъ безъ достаточныхъ основаній; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ указанномъ отношеніи слѣдуетъ по возможности избѣгать ненужной произвольности.

Поэтому для опредѣленія объема сознанія въ этомъ случаѣ достаточно найти лишь ту наибольшую величину группы, которая еще воспринимается сознаніемъ, какъ одно цѣлое. Для этой цѣли звуковыя впечатлѣнія, получаемыя отъ ударовъ метронома, предлагаютъ наблюдателю группировать, причемъ величина отдѣльныхъ группъ послѣдовательно увеличивается до тѣхъ поръ, пока группированіе представляется еще возможнымъ. Послѣдняя наибольшая группа, которую наблюдатель еще въ состояніи воспринимать, какъ цѣлое, и будетъ служить выраженіемъ объема сознанія.

Для провѣрки того, что группированіе выполняется наблюдателемъ совершенно правильно, берутъ такой рядъ звуковыхъ впечатлѣній, который, будучи расчлененъ на группы опредѣленной величины, оканчивался бы по желанію экспериментатора или полной группой, или группой безъ одного удара, или наконецъ полной группой плюсъ одинъ ударъ; наблюдатель же, группирующій данныя звуковыя впечатлѣнія, долженъ опредѣлять—имѣлъ ли онъ дѣло съ полною конечною группою или нѣтъ.

До сихъ поръ опыты съ опредѣленіемъ объема сознанія производились лишь по первому методу, но я могу констатировать здѣсь, что и второй методъ, какъ показали мнѣ сравнительные опыты, даетъ результаты совершенно одинаковые съ первымъ.

При изслѣдованіи объема сознанія экспериментальнымъ путемъ относительно равномѣрно слѣдующихъ другъ за другомъ звуковыхъ впечатлѣній (какія даются напр. послѣдовательными ударами маятника метронома) мы наталкиваемся прежде всего на слѣдующій важный фактъ: объемъ сознанія колеблется въ зависимости отъ быстроты, съ которою слѣдуютъ впечатлѣнія другъ за другомъ.

Наиболѣе благопріятною въ этомъ отношеніи является та скорость, при которой апперцепція едва приспособляется къ впечатлѣніямъ (Вундтъ). Эта скорость равняется приблизительно 0,3—0,5 сек. Начиная отсюда, число представленій, входящихъ въ сферу сознанія, какъ цѣлая группа, будетъ уменьшаться какъ при увеличеніи скорости представленій, такъ и при уменьшеніи этой скорости (¹). Отсюда заключаютъ, что

(¹) Въ первомъ случаѣ уменьшеніе, по объясненію Вундта, должно произойти въ силу того, что достаточно ясная апперцепція становится уже

въ случаѣ равномѣрно слѣдующихъ другъ за другомъ впечатлѣній объемъ сознанія есть функція скорости, съ которою отдѣльныя впечатлѣнія смѣняютъ другъ друга (¹).

Объемъ сознанія, измѣренный при указанной наиболѣе благопріятной скорости слѣдованія звуковыхъ впечатлѣній, носитъ названіе наибольшаго объема яснаго сознанія. Этотъ наибольшій объемъ сознанія по опытамъ Вундта равняется 12 простымъ звуковымъ представленіямъ; въ опытахъ Дице въ двухъ случаяхъ онъ равнялся 16, при скорости слѣдованія ударовъ въ 0,3 сек., въ другихъ двухъ случаяхъ при скорости ударовъ въ 0,3—0,4 сек. равнялся 14 и наконецъ еще въ двухъ случаяхъ, при скорости ударовъ въ 0,5 сек. равнялся также 14.

Въ моихъ опытахъ, при скорости слѣдованія звуковыхъ впечатлѣній въ 0,3 сек. въ двухъ случаяхъ наибольшій объемъ сознанія равнялся 12, въ другихъ двухъ случаяхъ— 14 и 18 (²).

Такимъ образомъ во всѣхъ опытахъ наибольшій объемъ яснаго сознанія колеблется въ приблизительно одинаковыхъ предѣлахъ, а именно: при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ онъ равенъ отъ 12 до 16, maximum 18 простыхъ звуковыхъ представленій. При этомъ небольшія разницы между отдѣльными лицами легко могутъ быть объяснены не только различной степенью образованія и неодинаковымъ развитіемъ ума отдѣльныхъ лицъ, но и тѣми или другими побочными условіями, какъ то—степенью вниманія къ опытамъ со стороны изслѣдуемаго лица, временемъ опыта въ теченіи дня и пр.

невозможною, во второмъ случаѣ—въ силу того, что часть апперципированныхъ представленій поблѣднѣетъ еще прежде, чѣмъ новое представленіе вступитъ въ сферу яснаго сознанія. При медленномъ теченіи представленій трудно также избѣжать постороннихъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на сознаніе во время паузъ.

(¹) Dietze. Loco cit. стр. 380.

(²) При изслѣдованіяхъ д-ра Чижъ (Арх. психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи за 1887, т. X № 1, 2 и 3) объемъ сознанія опредѣлился въ одномъ случаѣ въ 11, въ другомъ—въ 13 представленій, если принять за достаточную точность сужденій 0,7. Необходимо замѣтить однако, что изслѣдованія д-ра Чижъ были произведены надъ малообразованными людьми.

Относительно зависимости объема сознанія отъ скорости слѣдованія другъ за другомъ звуковыхъ впечатлѣній здѣсь достаточно упомянуть, что уже при небольшомъ увеличеніи скорости качанія маятника (относительно наиболѣе благопріятной скорости въ 0,3—0,5 сек.) объемъ сознанія быстро уменьшается и при скорости слѣдованія ударовъ въ 0,2 и 0,1 сек. ясное воспріятіе уже совершенно прекращается; при замедленіи же ударовъ метронома объемъ сознанія, хотя и уменьшается прогрессивно, но далеко не такъ быстро, какъ при ускореніи ударовъ.

Спрашивается, такъ ли дѣло обстоитъ съ объемомъ сознанія, когда имѣются въ виду не простыя, а сложныя представленія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы снова можемъ получить лишь въ области экспериментальной психологіи.

Мы уже упоминали, что получаемыя нами звуковыя впечатлѣнія, слѣдующія равномѣрно другъ за другомъ, мы можемъ умственно расчленять на группы, причемъ каждая группа, состоя изъ сочетанныхъ звуковыхъ впечатлѣній, воспринимается сознаніемъ, какъ одно цѣлое. Этою нашею способностью расчленять равномѣрно слѣдующія другъ за другомъ звуковыя впечатлѣнія на опредѣленныя группы мы и можемъ воспользоваться, какъ средствомъ опредѣлить объемъ сознанія при условіяхъ воспріятія не простыхъ, а сложныхъ или вѣрнѣе сочетанныхъ звуковыхъ впечатлѣній.

Разсматриваемый вопросъ до сихъ поръ почти не подвергался экспериментальной разработкѣ. Правда, въ 1836 году Дице въ этомъ направленіи были предпринимаемы опыты, но они отличаются съ одной стороны неполнотой, что признается и самимъ авторомъ, съ другой стороны—неточностью самого метода изслѣдованія.

Дѣло въ томъ, что въ опытахъ Дице каждое данное число звуковыхъ впечатлѣній, расчленяемое наблюдателемъ на опредѣленныя группы, сравнивалось, какъ и въ опытахъ безъ группъ (т. е. съ одиночными звуковыми впечатлѣніями), или съ равнымъ числомъ такихъ же звуковыхъ впечатлѣній, или съ числомъ большимъ, или меньшимъ противъ перваго ряда на одинъ ударъ. При такой постановкѣ опытовъ оказывается, что наблюдатель, хорошо и правильно группирующій звуковыя впечатлѣнія, легко можетъ давать вѣрныя сужденія лишь потому, оканчивается ли второй рядъ звуковыхъ впечатлѣній полною или неполною группою. Представимъ себѣ,

что при группированіи звуковыхъ впечатлѣній по 3 мы сравниваемъ рядъ звуковыхъ впечатлѣній, состоящій изъ 15 ударовъ, слѣд. изъ 5 группъ, съ 15 же, а затѣмъ съ 14 и 16 ударами. Въ каждомъ изъ этихъ опытовъ совершенно правильное сужденіе можетъ быть высказано уже на основаніи того, что въ первомъ случаѣ второй рядъ оканчивается полною группою, во второмъ случаѣ онъ оканчивается группою безъ одного, а въ третьемъ случаѣ полною группою плюсъ одинъ ударъ.

Такимъ образомъ легко понять, что, какое бы количество звуковыхъ впечатлѣній не было дано для сравненія наблюдателю, этотъ послѣдній, если только будетъ правильно группировать впечатлѣнія, имѣетъ возможность высказывать вѣрныя сужденія совершенно независимо отъ того, укладывается ли то или другое число группъ звуковыхъ впечатлѣній въ сферѣ сознанія. Что это такъ и бываетъ въ дѣйствительности, не отрицаетъ и самъ Дице. Поэтому для провѣрки подобныхъ опытовъ онъ предлагаетъ производить каждый разъ еще контрольные опыты, въ которыхъ второй рядъ звуковыхъ впечатлѣній долженъ быть или больше, или меньше противъ перваго на полную группу.

Для всякаго очевидно однако, что эти контрольные опыты и должны были бы быть тѣми опытами, съ помощью которыхъ мы опредѣляемъ объемъ сознанія въ томъ случаѣ, когда воспринимаемыя звуковыя впечатлѣнія мысленно разбиваются на тѣ или другія группы.

Въ самомъ дѣлѣ, при опытахъ съ мысленнымъ раздѣленіемъ звуковыхъ впечатлѣній на группы каждая изъ послѣднихъ воспринимается сознаніемъ, какъ цѣлое, какъ единица, и потому сравненіе должно быть производимо лишь между извѣстнымъ числомъ полныхъ группъ и другимъ числомъ, состоящимъ также изъ полныхъ группъ. Но въ этомъ случаѣ мы наталкиваемся на слѣдующее затрудненіе: при опытахъ съ большими группами, въ особенности если изслѣдованіе производится съ малою скоростью качанія маятника, оба ряда звуковыхъ впечатлѣній должны различествовать между собою на довольно значительный промежутокъ времени. Возможно поэтому думать, что указанное обстоятельство можетъ вліять на сужденія наблюдателя.

Во избѣжаніе этого въ подобныхъ случаяхъ необходимо производить контрольные опыты. Послѣдніе должны заклю-

чаться въ томъ, что послѣ извѣстнаго ряда опытовъ предлагаютъ наблюдателю сравнивать то же самое количество звуковыхъ впечатлѣній, которое входило и въ самые опыты, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы звуковыя впечатлѣнія въ этомъ случаѣ не группировались и сужденіе было высказано лишь на основаніи различія во времени, которое занимаетъ въ отдѣльности каждый рядъ звуковыхъ впечатлѣній.

Если эти контрольные опыты показываютъ, что данные ряды звуковыхъ впечатлѣній могутъ быть сравнимаемы между собою и безъ группированія, слѣд. по одному чувству времени, то въ такихъ случаяхъ въ опытахъ съ объемомъ сознанія второй рядъ звуковыхъ впечатлѣній должно взять или равнымъ первому, или больше, или меньше его, но не на полную группу, а лишь на извѣстную часть группы, о величинѣ которой наблюдатель не долженъ имѣть свѣденій.

Всѣ эти условія были строго соблюдаемы при нашихъ опытахъ съ объемомъ сознанія, которые были произведены частью въ лабораторіи проф. Вундта въ Лейпцигѣ, частью въ завѣдываемой мною лабораторіи Казанскаго Университета и съ результатами которыхъ я имѣю въ виду сейчасъ познакомить васъ.

Упомянутые опыты показываютъ, что и при воспріятіи сочетанныхъ въ группы звуковыхъ впечатлѣній обнаруживается рѣзкое различіе относительно объема сознанія, смотря по скорости слѣдованія другъ за другомъ этихъ впечатлѣній. И въ этомъ случаѣ за наиболѣе благопріятную для объема сознанія смѣну звуковыхъ впечатлѣній мы должны принять почти туже скорость ихъ слѣдованія другъ за другомъ, какъ и при воспріятіи одиночныхъ звуковыхъ впечатлѣній, а именно— въ $^1/_3$ секунды; измѣненіе же этой скорости въ томъ или другомъ направленіи всегда сопровождается рѣзкимъ уменьшеніемъ объема сознанія.

Особенно быстро уменьшается объемъ сознанія при увеличеніи скорости слѣдованія другъ за другомъ звуковыхъ впечатлѣній. Такъ, уже при скорости качанія маятника въ $^1/_5$ секунды объемъ сознанія при воспріятіи наиболѣе простыхъ сочетаній звуковъ (по 2) понизился съ 8 до 6, а образованіе нѣкоторыхъ изъ болѣе сложныхъ группъ при этой скорости становилось уже совершенно невозможнымъ. Между тѣмъ при замедленіи скорости качанія маятника объемъ сознанія уменьшился въ той же пропорціи лишь въ то время,

когда звуковыя впечатлѣнія смѣняли другъ друга со скоростью двухъ секундъ.

Далѣе, крайне рѣзкое вліяніе на объемъ сознанія обнаруживаетъ величина и качество самихъ группъ, иначе говоря составъ представленій. Чѣмъ болѣе величина воспринимаемыхъ группъ, иначе говоря, чѣмъ сложнѣе представленія, тѣмъ меньшее ихъ количество можетъ одновременно помѣщаться въ сознаніи; наоборотъ, чѣмъ менѣе величина воспринимаемыхъ группъ, иначе говоря, чѣмъ менѣе сложны отдѣльныя представленія, тѣмъ большее ихъ количество заразъ помѣщается въ нашемъ сознаніи. Наибольшее число самыхъ простыхъ группъ (по 2), содержащееся въ сознаніи при возможно благопріятной скорости качанія маятника, въ моихъ опытахъ достигало 9; наибольшее же число самыхъ большихъ группъ (по 18) при тѣхъ же условіяхъ скорости качанія маятника равнялось 3.

Даже при опытахъ съ воспріятіемъ одиночныхъ звуковыхъ впечатлѣній обратилъ вниманіе между прочимъ на тотъ фактъ, что четныя количества впечатлѣній воспринимаются легче нечетныхъ, благодаря чему и сужденія при опытахъ съ четнымъ количествомъ впѣчатлѣній отличается большей точностью, нежели сужденія при опытахъ съ нечетнымъ количествомъ впечатлѣній.

Въ опытахъ съ воспріятіемъ звуковыхъ впечатлѣній въ видѣ группъ я не нашелъ однако подобной закономѣрности, что, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что здѣсь на трудность или легкость воспріятія вліяютъ и другія условія, какъ напр. большая или меньшая легкость расчлененія звуковыхъ впечатлѣній на извѣстныя группы. Дѣйствительно, нѣкоторыя группы, особенно привычныя для нашего уха, какъ напр. группа, состоящая изъ 3 впечатлѣній, воспринимаются нами всегда съ особенною легкостью и вмѣстѣ съ тѣмъ при воспріятіи ихъ обнаруживается нерѣдко большій объемъ сознанія, нежели при всѣхъ другихъ группахъ, не исключая и простѣйшей группы по 2.

Что касается другихъ условій, вліяющихъ на объемъ сознанія, то изъ нихъ мы остановимся лишь на вліяніи умственнаго утомленія.

Послѣднее оказываетъ всегда очень рѣзкое вліяніе на объемъ сознанія, въ чемъ мы убѣждаемся почти изъ каждаго ряда соотвѣтствующихъ опытовъ. Дѣло въ томъ, что

въ началѣ опытовъ съ опредѣленіемъ объема сознанія, послѣдній всегда оказывается замѣтно большимъ, нежели при концѣ опытовъ, если только они продолжаются не менѣе одного часа.

Такъ, въ одномъ случаѣ послѣ одночасоваго занятія психофизическими изслѣдованіями человѣкъ, группируя по 2 звуковыя впечатлѣнія, слѣдующія другъ за другомъ со скоростью 1 сек., далъ при воспріятіи 4 группъ 0,7 вѣрныхъ сужденій; при воспріятіи пяти группъ 0,6; при воспріятіи шести группъ 0,55; тогда какъ до занятій тотъ же субъектъ при подобномъ же группированіи звуковыхъ впечатлѣній одинаковой скорости далъ при воспріятіи четырехъ группъ 0,8 вѣрныхъ сужденій; при воспріятіи пяти группъ также 0,8 вѣрныхъ сужденій; при воспріятіи шести и семи группъ 0,75; при воспріятіи восьми группъ 0,6 вѣрныхъ сужденій.

Въ другомъ случаѣ послѣ психофизическихъ изслѣдованій человѣкъ, группируя звуковыя впечатлѣнія той же скорости по 3, при воспріятіи пяти группъ далъ 0,8 вѣрныхъ сужденій; при воспріятіи шести и семи группъ— 0,65 вѣрныхъ сужденій; при воспріятіи восьми группъ результатъ сужденій выразился 0,6; тогда какъ не будучи умственно утомленнымъ тотъ же наблюдатель могъ воспринимать пять и шесть группъ съ точностью въ 0,85; семь группъ— съ точностью въ 0,8; восемь группъ—съ точностью въ 0,9; девять группъ—съ точностью въ 0,75 и только при воспріятіи десяти группъ точность сужденій выразилась 0,6. Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ результатъ всегда оказывался сходнымъ.

Къ той же категоріи явленій очевидно слѣдуетъ отнести и тотъ фактъ, что по утрамъ результатъ изслѣдованія объема сознанія въ общемъ оказывается замѣтно болѣе благопріятнымъ, нежели вечерами.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что и независимо отъ тѣхъ или другихъ посторонніхъ условій сфера яснаго сознанія представляетъ измѣняющееся протяженіе. Она можетъ съуживаться и расширяться, при чемъ въ первомъ случаѣ ясность сознанія увеличивается, во второмъ—ослабѣваетъ.

Полная ясность сознанія возможна лишь при томъ условіи, когда вниманіе сосредоточивается на ограниченномъ числѣ представленій; въ этомъ смыслѣ мы можемъ говорить о фиксаціонной точкѣ сознанія или пунктѣ наиболѣе яснаго сознанія. Но

чѣмъ болѣе ограничена сфера яснаго сознанія и чѣмъ оно ярче, тѣмъ болѣе затемняется остальное поле сознанія.

Наглядиѣе всего это доказывается на опытахъ съ мгновеннымъ освѣщеніемъ зрительныхъ объектовъ съ помощью электрической искры. Если напр. мы захотимъ читать печатный шрифтъ при моментальномъ освѣщеніи электрической искрой, то мы успѣемъ при этомъ схватить нѣсколько словъ; если же мы будемъ стараться уловить лишь форму и очертаніе буквъ, то мы не успѣемъ прочесть даже и полслова.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ мы убѣждаемся, что наибольшая ясность сознанія всегда пріобрѣтается нами насчетъ величины его объема. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ усиленіемъ ясности сознанія предѣлы послѣдняго, безъ того поразительно тѣсные, еще болѣе съуживаются.

Посмотримъ теперь, вслѣдствіе чего изъ огромнаго числа одновременно дѣйствующихъ на наши органы чувствъ впечатлѣній апперципируются или вводятся въ сферу яснаго сознанія лишь опредѣленныя представленія, иначе говоря, чему обязаны эти послѣднія своимъ присутствіемъ въ нашемъ сознаніи?

Наблюденіе показываетъ, что процессъ введенія представленій въ сферу яснаго сознанія зависитъ только частью отъ внѣшнихъ условій, иначе говоря, отъ объективныхъ качествъ подѣйствовавшаго на насъ внѣшняго впечатлѣнія, главнѣйшимъ же образомъ—отъ внутреннихъ условій. Чѣмъ сильнѣе извѣстное впечатлѣніе и слѣдовательно чѣмъ рѣзче тѣ измѣненія, которыя оно вызвало въ нашихъ органахъ чувствъ, тѣмъ очевидно больше шансовъ оно имѣетъ для введенія въ сферу яснаго сознанія. Точно также легко апперцепируются впечатлѣнія, отличающіяся особенной рѣзкостью и новизною для нашихъ органовъ чувствъ.

Относительно зрительныхъ объектовъ играетъ извѣстную роль между прочимъ и случайная фиксація ихъ съ помощью глазъ, но вліяніе этого условія очевидно сводится также на вызываніе болѣе рѣзкихъ ощущеній при фиксированіи внѣшнихъ предметовъ, нежели при отсутствіи фиксаціи.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что какъ объективныя качества внѣшняго впечатлѣнія, такъ и фиксація зрительныхъ объектовъ играетъ относительно незначительную роль въ дѣлѣ апперцепированія представленій. Доказательствомъ тому служитъ тотъ фактъ, что многія въ дѣйствительности весьма

сильныя впечатлѣнія мы упускаемъ изъ виду только благодаря тому, что мы къ нимъ равнодушны. Напротивъ того всѣ впечатлѣнія, хотя бы и не обладающія большою силою, но возбуждающія въ насъ движеніе чувства благодаря ранѣе выработавшимся ассоціаціямъ, тотчасъ же вводятся въ пунктъ наиболѣе яснаго сознанія.

Для поясненія сказаннаго мы позволимъ себѣ развить здѣсь тотъ же примѣръ, которымъ мы уже однажды воспользовались. Проходя по многолюдной улицѣ, мы пропускаемъ тысячи разнородныхъ по силѣ и качеству впечатлѣній, несомнѣнно подѣйствовавшихъ на наши органы чувствъ. Но вотъ на той же улицѣ произошла ссора двухъ людей, причемъ одинъ изъ нихъ сталъ наносить удары другому. Объективно обсуждая данное впечатлѣніе, мы не найдемъ въ немъ особеннаго преимущества ни по силѣ, ни по качеству сравнительно со множествомъ другихъ одновременныхъ впечатлѣній, а между тѣмъ данное впечатлѣніе тотчасъ же занимаетъ нашъ умъ и вводится въ пунктъ наиболѣе яснаго сознанія или апперцепируется.

Зависитъ это отъ того, что разматриваемое впечатлѣніе отличается отъ другихъ силой сопряженнаго съ нимъ чувствованія. Воспринимаемое въ этомъ случаѣ впечатлѣніе, благодаря укоренившимся въ нашемъ сознаніи ассоціаціямъ тотчасъ же сопрягается съ чувствомъ боли, испытываемой побитымъ человѣкомъ, причемъ одновременно возникаетъ и представленіе о жестокости бьющаго, вызывая въ насъ чувство отвращенія къ нему и т. д. Слѣд. сила чувства, которымъ, благодаря тѣмъ или другимъ ассоціаціямъ, сопровождается представленіе,—вотъ что въ данномъ случаѣ служитъ причиной, что это представленіе вводится въ пунктъ наиболѣе яснаго сознанія.

Такимъ образомъ изъ ряда одновременно воспринимаемыхъ впечатлѣній, независимо отъ объективныхъ свойствъ самого впечатлѣнія, въ сферу яснаго сознанія съ большей вѣроятностью будетъ введено то, которое сопряжено съ наиболѣе сильнымъ чувствованіемъ.

Съ другой стороны содержаніе сознанія несомнѣнно имѣетъ существенное вліяніе на апперцепированіе внѣшнихъ впечатлѣній. Такъ, представленія, недавно присутствовавшія въ сознаніи, сравнительно съ другими имѣютъ болѣе шансовъ возбудить наше вниманіе. Напр., тонъ, недавно нами

слышанный, всегда рѣзче выдѣляется изъ другихъ при совмѣстномъ звучаніи. Точно также впечатлѣнія, находящіяся въ болѣе или менѣе тѣсномъ соотношеніи съ содержаніемъ сознанія въ данное время, а также и съ укоренившимися въ сознаніи представленіями (въ особенности съ тѣми, которыя составляютъ т. наз. нравственное ядро) обычно съ особенной легкостью вводятся въ сферу яснаго сознанія.

Но особенно благопріятную почву для акта апперцепціи составляетъ особое состояніе нашего сознанія, которое мы называемъ ожиданіемъ. Въ послѣднемъ случаѣ, какъ показываютъ точныя психофизическія изслѣдованія, нерѣдко апперцепируется мнимое впечатлѣніе прежде, чѣмъ происходитъ дѣйствительное. Такъ, при измѣреніи психическихъ актовъ съ помощью аппарата Гиппа въ опытахъ съ опредѣленіемъ т. наз. простой сознательной реакціи очень не рѣдко случается такъ, что отмѣтка, долженствующая быть произведенною непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ услышанъ ударъ падающаго шарика о деревянную дощечку, въ дѣйствительности производится или въ моментъ удара шарика о дощечку (а не послѣ, какъ должно бы быть) или даже прежде, чѣмъ шарикъ упадетъ на дощечку.

Нельзя не замѣтить здѣсь что вниманіе играетъ существенную роль въ актѣ апперцепціи. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ ли данное внѣшнее впечатлѣніе выдаваться своими объективными свойствами или, благодаря особымъ ассоціаціямъ, будетъ возбуждать въ насъ шевеленіе чувства, или наконецъ будетъ находиться въ тѣсномъ соотношеніи съ присутствующими и въ особенности съ укоренившимися въ нашемъ сознаніи представленіями—во всѣхъ этихъ случаяхъ оно вводится въ сферу яснаго сознанія лишь благодаря тому, что на него обращается вниманіе. Съ другой стороны особенно благопріятная почва для апперцепціи впечатлѣній, представляемая актомъ ожиданія, безъ всякаго сомнѣнія зависитъ отъ того, что здѣсь играетъ выдающуюся роль чрезмѣрное напряженіе вниманія къ предстоящему впечатлѣнію.

Значеніе вниманія въ дѣлѣ апперцепціи внѣшнихъ впечатлѣній видно въ особенности изъ того обстоятельства, что уже отвлеченія нашего вниманія въ извѣстномъ направленіи достаточно для того, чтобы, не смотря на присутствіе всѣхъ вышеуказанныхъ условій, введеніе даннаго представленія въ сферу яснаго сознанія не совершилось.

Очевидно что безъ участія вниманія апперцепція представленій становится совершенно невозможною. Вотъ — фактъ, имѣющій выдающееся значеніе въ нашемъ вопросѣ. Онъ объясняетъ намъ, почему наше сознаніе имѣетъ столь тѣсные предѣлы Дѣло въ томъ, что вниманіе, необходимое для акта апперцепціи, не можетъ одновременно обращаться на множество внѣшнихъ впечатлѣній, а лишь на небольшое число послѣднихъ, которое, благодаря вниманію, и вводится въ сферу яснаго сознанія.

Въ предыдущемъ изложеніи выяснено нами, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ вращается наше сознаніе и указано между прочимъ на тотъ фактъ, что вмѣстѣ съ усиленіемъ ясности сознанія сфера послѣдняго еще болѣе съуживается. Спрашивается, какъ согласовать съ этими данными тотъ фактъ, что человѣку свойственно особенное богатство и разнообразіе умственнаго матеріала?

Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что многія изъ представленій, разъ возникшихъ въ нашемъ сознаніи и поблекшихъ затѣмъ, какъ извѣстно, не исчезаютъ окончательно изъ нашей психической сферы, но лишь скрываются на болѣе или менѣе продолжительное время отъ нашего умственнаго взора; они переходятъ слѣдовательно въ безсознательную сферу, откуда со временемъ при случаѣ снова могутъ всплыть на поверхность сознанія въ видѣ такъ наз. воспроизведенныхъ представленій или воспоминательныхъ образовъ.

Съ самаго младенчества запасъ такихъ, способныхъ въ то или другое время всплыть на поверхность сознанія, представленій накопляется все болѣе и болѣе и у взрослаго человѣка все то, что составляетъ содержаніе сознанія, не столько уже обязано своимъ происхожденіемъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ настоящаго, сколько впечатлѣніямъ прошедшаго. Такимъ образомъ большая часть того, что наполняетъ наше сознаніе, возникаетъ изъ непроницаемыхъ глубинъ нашей безсознательной сферы. Равнымъ образомъ и великія творчества мысли обязаны гораздо болѣе безсознательной, нежели сознательной сферѣ.

Безсознательная сфера такимъ образомъ является тою сокровищницею нашей души, въ которой хранится въ скрытомъ состояніи большинство нѣкогда ярко блиставшихъ въ

сознаніи представленій и изъ которой происходитъ постоянное обновленіе сознательной сферы.

Въ противоположность тому, что объемъ сознательной сферы представляется, какъ мы видѣли, крайне ограниченнымъ, безсознательная сфера ничуть не стѣснена столь узкими предѣлами и объемъ ея можетъ считаться вообще очень обширнымъ. Въ сущности мы не знаемъ точныхъ границъ безсознательной сферы, но что и здѣсь существуютъ опредѣленныя границы, извѣстный объемъ, дальше котораго человѣкъ не въ состояніи переступить, доказывается тѣмъ фактомъ, что ни одинъ изъ людей міра не можетъ претендовать на обладаніе хотя бы значительной доли того огромнаго запаса знаній, который является результатомъ многовѣковой работы человѣческой мысли.

Слѣдовательно безсознательную сферу ничуть нельзя представлять себѣ какъ таковую, въ которой могло бы помѣститься какое угодно количество умственнаго матеріала. Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что съ развитіемъ умственной жизни предѣлы безсознательной сферы до извѣстной степени расширяются. Этимъ по крайней мѣрѣ только и можно объяснить способность интеллигентнаго человѣка укладывать въ своей памяти такой запасъ свѣдѣній, какой для человѣка мало образованнаго является совершенно непреодолимымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что при томъ обмѣнѣ, который происходитъ между элементами сознательной и безсознательной сферы всегда сохраняется между ними извѣстная преемственная связь. Только существованіемъ такой преемственной связи и можно объяснить себѣ нашу способность узнаванія прошлыхъ представленій. Какъ извѣстно, мы не только воспроизводимъ прошлыя представленія, но и узнаемъ, что эти представленія уже были когда-то въ нашей сознательной сферѣ, а не явились вновь.

Эта присущая намъ способность узнаванія прошлыхъ представленій играетъ вообще огромную роль въ нашей психической жизни. Безъ такой способности представленія, роившіяся въ нашемъ сознаніи въ прежнее время, мы бы уже не могли относить къ намъ самимъ и слѣд. не могло бы быть и такъ наз. единства сознанія личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и той непрерывности сознанія, которая устанавливается съ извѣстнаго возраста въ жизни каждаго человѣка. Безъ такой способности мы не могли-бы имѣть и понятія о времени, такъ

какъ всѣ воспоминаемыя нами прошлыя событія казались бы намъ лишь игрой нашего воображенія въ настоящемъ.

Съ другой стороны преемственностью между процессами сознательными и безсознательными объясняется между прочимъ тотъ поразительный съ виду фактъ, что процессы, совершающіеся въ безсознательной сферѣ человѣка, служатъ нерѣдко руководствомъ его сознательныхъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто мы приходимъ къ тѣмъ или другимъ рѣшеніямъ, не сознавая ясно или даже и вовсе тѣхъ мотивовъ, которые привели насъ къ подобнымъ рѣшеніямъ. Впослѣдствіи однако, по принятіи опредѣленныхъ рѣшеній, часто измышляются и мотивы послѣднихъ, хотя они уже не имѣютъ для насъ того практическаго значенія, какъ сознательные мотивы pro и contra до принятія извѣстнаго рѣшенія.

Еще болѣе поразительный примѣръ вліянія безсознательной психической сферы на дѣйствія, совершаемыя сознательно, представляютъ такъ называемыя внушенныя идеи гипнотиковъ. Мы знаемъ, что эти идеи, будучи восприняты въ гипнотическомъ состояніи, впослѣдствіи всплываютъ на поверхность сознанія и принуждаютъ человѣка къ поступкамъ и дѣйствіямъ, стоящимъ въ прямомъ противорѣчіи со всѣми его нравственными убѣжденіями. И въ самомъ дѣлѣ, не насиліе-ли это безсознательной сферы надъ волей человѣка, когда послѣднему въ состояніи гипноза внушаютъ идею украсть или убить и этотъ человѣкъ по возвращеніи своего сознанія выполняетъ дѣяніе, противное всѣмъ его нравственнымъ воззрѣніямъ?

Мы не будемъ углубляться далѣе во взаимныя отношенія сознательной и безсознательной сферы. Замѣтимъ лишь, что сознаніе въ свою очередь обнаруживаетъ ничуть не меньшее, если не большее вліяніе на безсознательную сферу. Сознаніе не только открываетъ человѣку его внутренній міръ, иначе говоря, даетъ ему возможность чувствовать пріятное и непріятное, испытывать радость и горе, понимать пользу и вредъ, но оно воздѣйствуетъ и на всѣ тѣ, часто необъяснимыя для самаго лица, стремленія и влеченія, которыя, зарождаясь въ безсознательной сферѣ и овладѣвая человѣкомъ нерѣдко еще съ ранняго возраста, влекутъ его къ дѣйствіямъ и поступкамъ, противнымъ чувству долга и нравственности. Правда это воздѣйствіе не всегда приводитъ къ побѣдѣ нравственныхъ мотивовъ, но во всякомъ случаѣ высоконравственные

поступки и великія жертвы на пользу человѣчества возможны лишь благодаря сознанію.

Съ разсматриваемой точки зрѣнія сознаніе можетъ быть уподоблено яркому свѣтильнику, который, озаряя собою глубокіе тайники нашей психической сферы, въ то же время позволяетъ намъ заблаговременно предвидѣть послѣдствія своихъ дѣяній и даетъ возможность находить средства для противодѣйствія тѣмъ или другимъ пагубнымъ для насъ вліяніямъ.

В. Бехтеревъ.